СЕВАСТОПОЛЬ

ВЪ

НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1855.

СЕВАСТОПОЛЬ

ВЪ НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ.

ПИСЬМА

ИЗЪ

КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ.

СЕВАСТОПОЛЬ

ВЪ

НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ.

ПИСЬМА

ИЗЪ

КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 9-го Мая 1855 года.

Цензоръ *П. Фонъ-Крузе.*

4-го Мая 1854 года. Зима нынѣшняго года одна изъ рѣдкихъ зимъ для Крымскаго полуострова. Всегда, бывало, еще съ февраля мѣсяца поля начинаютъ зеленѣть, кусты и деревья распускаться, а нынче вотъ уже и первые числа мая, а поля еще голы, только кое-гдѣ чуть-чуть стала показываться зелень, а деревья еще и не распускаются, и нѣкоторыя стали пускать прямо листъ вмѣсто цвѣту. Скворцы прилетѣли только 10-го апрѣля; въ окрестныхъ горахъ лежитъ еще много снѣгу и вѣроятно долго пролежитъ; по утрамъ и вечерамъ бываетъ чувствительно прохладно, такъ-что безъ те-

плой одежды нельзя выходить. Виноградные сады сильно пострадали, въ слѣдствіе сухихъ и несвоевременныхъ морозовъ; пострадалъ и рогатый скотъ,— обнаружился сильный падежъ. У одного помѣщика, изъ трехъ тысячъ череновъ осталось въ живыхъ только 12, а у другаго изъ семи тысячъ не осталось ни одного. У многихъ Татаръ повыдохли волы, а у кого и осталось нѣсколько, то въ такомъ состояніи, что едва двигаются; отъ этого, привозимыя въ городъ хозяйственные припасы вздорожали. Съ 24-го апрѣля начались здѣсь густые туманы, вредные какъ для растеній, такъ равно и для здоровья. Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ общественной жизни въ Севастополѣ при нынѣшнемъ его блокадномъ положеніи. Севастополь, какъ всѣмъ извѣстно, военный станъ, резиденція Черноморскаго флота; онъ расположенъ на высокихъ каменныхъ горахъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ моремъ; берега

сго укрѣплены сильными батареями. Онъ лежитъ далеко въ сторонѣ отъ большой дороги, на самомъ концѣ Крымскаго полуострова къ западу, и потому не имѣетъ близкихъ сношеній съ родными нашими городами; бытъ его своеобразный. Онъ населенъ почти исключительно военными; фракъ и вообще всякій партикулярный костюмъ на гуляньяхъ и въ собраніяхъ здѣсь рѣдкость. Храбрые моряки составляютъ здѣсь одно, такъ сказать, многочисленное семейство; цѣлое лѣто они или въ морѣ на практикѣ, или стоятъ на рейдѣ; загородныхъ дачъ ни у кого изъ нихъ нѣтъ, а потому семейства ихъ на лѣто ни куда не выѣзжаютъ. Послѣ блистательной Синопской битвы, весь побѣдоносный Черноморскій флотъ гордело и величаво красуется на рейдѣ и готовъ, по первому повелѣнію, выйти въ море и снова вступить въ бой съ надменнымъ непріятелемъ. Моряки днемъ, въ свободное отъ службы вре-

мя, занимаются чтеніемъ въ здѣшней морской офицерской библіотекѣ, которая можетъ равняться съ лучшими въ Европѣ, какъ по изящной отдѣлкѣ снаружи, такъ и по внутреннему богатству. На дняхъ она обогатилась еще прекрасною картиной, работы г. Павлова, въ С.-Петербургѣ. Эта картина, присланная въ даръ Государемъ Императоромъ и исполненная масляными красками на полотнѣ, изображаетъ взятіе съ бою (5-го ноября прошлаго 1853 года) параходомъ «Владиміръ», подъ начальствомъ Генералъ-Адъютанта, Вице-Адмирала В. А. Корнилова, Египетскаго десятипушечнаго военнаго парохода «Первасъ-Бахри», въ послѣдствіи названнаго «Корниловъ». У насъ есть и дворянское собраніе, заслуживающее вниманія, а также и театръ, гдѣ, три раза въ недѣлю, труппа русскихъ актеровъ даетъ свои представленія. 23-го числа прошлаго апрѣля мѣсяца, въ Высокоторжественный день

Тезоименитства Ея Величества Государыни Императрицы, въ здѣшнемъ Адмиралтейскомъ Свято-Николаевскомъ Соборѣ, во всѣхъ церквахъ, а также и на всѣхъ корабляхъ Черноморскаго флота, принесено было благодарственное Господу Богу молебствіе, по окончаніи коего со всего флота, стоящаго на рейдѣ, произведена была пушечная пальба; всѣ корабли были украшены разноцвѣтными флагами и вымпелами, а вечеромъ дано было на театрѣ драматическое представленіе, соч. г. Кукольника, «Синопское сраженіе, или морскоій праздникъ въ Севастополѣ». Появленіе соединеннаго Англо-Французскаго флота, съ 15-го апрѣля, въ числѣ тридцати осьми вымпеловъ, на нашемъ горизонтѣ, не обнаружило въ жителяхъ рѣшительно ничего кромѣ любопытства, потому что каждый изъ насъ убѣжденъ въ твердости стратегическихъ мѣръ, принятыхъ главноначальствующимъ въ нашемъ краѣ, Свѣт-

лѣйшимъ Княземъ А. С. Меншиковымъ, къ сохраненію общаго порядка и безопасности. Всѣ сословія отъ мала до велика стекались на новый бульваръ, у памятника Казарскому, и въ другихъ мѣстахъ, чтобы посмотрѣть, что дѣлается на морѣ, и громогласно изъявляли радость и желаніе, чтобы флотъ приблизился и тутъ же предъ глазами каждаго началась битва. Но моряки соединеннаго флота разсудили, что съ ихъ стороны было бы слишкомъ смѣло и даже невыгодно приблизиться, и потому лавируютъ въ весьма почтительномъ разстояніи отъ нашихъ грозныхъ батарей, то скрываясь за горизонтъ, то снова показываясь. Этотъ огромный, одинъ изъ сильнѣйшихъ парусныхъ и паровыхъ флотовъ въ мірѣ, разсѣялся по Черному морю и, подъ предлогомъ защиты Турціи, гоняется за мелкими каботажными судами, беззаботно плывущими изъ сосѣдняго порта въ портъ, и выказываетъ свою храбрость, стрѣ-

ляя по этимъ совершенно безоружнымъ лодкамъ, на которыхъ всего экипажа отъ трехъ до пяти человѣкъ. Появляясь предъ крѣпостями, пароходы дѣйствуютъ еще постыднѣе — подымаютъ не свои, а чужіе, не принадлежащіе имъ флаги — Австрійскій и Русскій, полагая этимъ обмануть бдительность береговыхъ начальствъ. Мелкое коварство, достойное дикарей — вотъ подвиги, которыми тщеславится громадный соединенный флотъ двухъ націй, именующихъ себя образованнѣйшими! Мы недоумѣваемъ — смѣяться, или удивляться этимъ жалкимъ дѣйствіямъ. — Хотя Англо-Французскій флотъ блокируетъ насъ и грозитъ намъ своимъ нападеніемъ, у насъ не только никто не унываетъ, но даже почти перестали объ немъ и говорить. Городская жизнь и увеселенія идутъ своимъ порядкомъ, по прежнему. Ежедневно, съ 6 часовъ вечера, на 120 пушечномъ кораблѣ «Великій Князь Константинъ», стоящемъ

у самой Екатерининской пристани, подъ флагомъ Генералъ-Адъютанта, Вице-Адмирала В. А. Корнилова, начинаетъ играть военная музыка, а на самой пристани играютъ еще нѣсколько хоровъ музыки, хоры флотскій, армейскій и хоръ роговой Гусарскаго Его Императорскаго Высочества Князя Николая Максимиліановича полка съ пѣвсенниками. Очень часто гулянье это удостоивается присутствія Свѣтлѣйшаго Князя Меншикова, котораго здѣсь всѣ чтятъ и любятъ и жаждутъ видѣть. Съ пристани открывается взору живая, дивная картина. По всему рейду стройно и величаво стоятъ на якоряхъ побѣдоносные Черноморскаго флота корабли, фрегаты, корветы, бриги, тендера, яхты, бригантины, транспорты, пароходы, шкуны и множество купеческихъ судовъ; по гладкой поверхности моря мчатся стрѣлой, подъ парусами и на веслахъ, боты, баркасы, катера съ катающимися дамами, шлюпки, вель-

боты, верейки и тузы (маленькія гребныя суда о двухъ веслахъ, для одного человѣка). Если вы пожелаете покататься по морю, тутъ гребныя суда всѣ къ вашимъ услугамъ: стоитъ только обратиться съ просьбой къ кому-нибуть изъ флотскихъ офицеровъ. Гулянье продолжается до поздняго вечера. Музыка на пристани и на всѣхъ судахъ, говоръ, смѣхъ, шумъ веселъ, бойкія военныя солдатскія пѣсни и видъ живой, разстилающейся предъ глазами панорамы, очаровываютъ зрѣніе и слухъ.

24-го октября 1854 года. Пишу вамъ, м. г., подъ выстрѣлами непріятельскихъ ядеръ, бомбъ и картечи. Благодареніе Господу Богу, мы существуемъ, хотя Англо-Французы и употребляютъ всѣ свои силы и всѣ возможныя средства насъ уничтожить; мы твердо стоимъ и будемъ драться до послѣдней капли крови; мы крѣпко надѣемся на ми-

лость Всевышняго, что ихъ храбро и мужественно отразимъ. Вамъ уже извѣстно о сраженіяхъ 8-го сентября, на Альмѣ, и 13-го октября, у Балаклавы; я о нихъ не буду вамъ говорить, а скажу нѣсколько словъ о бомбардированіи Севастополя 5-го октября. Въ этотъ день, въ шесть часовъ утра былъ открытъ самый сильный огонь съ непріятельскихъ батарей, построенныхъ съ южной стороны противъ города; наши батареи упорно имъ отвѣчали. Въ часъ по-полудни подвинулся къ укрѣпленіямъ и непріятельскій флотъ, и открылъ по нимъ страшную пальбу. Закипѣлъ бой ужасный: застонала земля, задрожали окрестныя горы, заклокотало море: вообразите только, что изъ тысячи орудій съ непріятельскихъ кораблей, пароходовъ и съ сухопутныхъ батарей, а въ тоже время и съ нашихъ батарей разразился адскій огонь: непріятельскіе корабли и пароходы стрѣляли въ наши батареи залпами;

бомбы, калеиыя ядра, картечи, брандскугели и конгревовы ракеты сыпались градомъ; трескъ и взрывы были повсемѣстны, все это сливалось въ страшный и дикій гулъ; нельзя было различить выстрѣловъ, было слышно одно только дикое и ужасающее клокотанье; земля, казалось, шаталась подъ тяжестью сражающихся. И я видѣлъ это неимовѣрно-жестокое сраженіе; ничего подобнаго въ жизнь свою я и не думалъ видѣть, ни о чемъ подобномъ не слыхалъ, и едва-ли когда нибудь читывалъ. И этотъ свирѣпый бой не умолкалъ ни на минуту, продолжался ровно двѣнадцать часовъ, и прекратился тогда лишь, когда совершенно смерклось... Мужество нашихъ артиллеристовъ было невыразимо. Они видимо не дорожили жизнью, и бились до смерти за каждый зарядъ; они дрались за Царя, за свое Отечество — Богомъ благословенную Россію, за оскорбленную Вѣру! Казалось, что и прахъ отцевъ нашихъ

въ могилахъ громко вопіялъ о мщеніи и мужествѣ. Густой дымъ заступилъ мѣсто безоблачнаго голубаго неба; свѣдыя облака клубились надъ нашими головами и заслоняли солнце; сдѣлалось совершенно темно; даже комнаты наполнились дымомъ. Всѣ мы думали, что на нашихъ батареяхъ не останется и камня на камнѣ; вообразите же наше удивленіе, когда на другой день утромъ мы увидѣли всѣ наши батареи въ цѣлости, и орудія всѣ на мѣстѣ!.. Но описать этотъ страшный бой невозможно: я сдѣлалъ только очеркъ его. Наши батареи, повторяю, устояли! Мы благословляли Бога, что убитыхъ у насъ на батареяхъ очень мало; у непріятеля погибло гораздо больше, а флоту его досталось такъ больно, что онъ во второй разъ не подходилъ уже къ намъ. И такъ, не смотря на жестокій натискъ христіанскихъ державъ — поборницъ луны, хлынувшихъ на насъ пламенемъ и разрушеніемъ, мы упова-

емъ на Бога, на Его чудотворную, святую силу, видимо подносъ укрывающую насъ отъ гибельнаго дѣйствія непріятельскихъ ядеръ и бомбъ, густымъ дождемъ носящихся надъ нашими головами. Въ чувствахъ вѣрноподданической преданности и любви къ Престолу великаго, и единаго Православнаго подъ солнцемъ нашего Монарха, мы молимъ Бога, да сохранитъ Онъ Помазанника Своего, подвизающагося за Православіе, за святую Вѣру отцовъ нашихъ,— да не постыдимся во вѣки! Сегодня уже *двадцатый* день, какъ непріятель громитъ насъ день и ночь, бросаетъ въ городъ бомбы, каленыя ядра и конгревовы ракеты, но пожаровъ, благодареніе Богу, значительныхъ нѣтъ. 16-го числа, въ восемь часовъ утра, влетѣла бомба въ залу Офицерской Морской Библіотеки; тамъ ее разорвало и произвело не мало вреда, но пожара не было. — Съ 16-го на 17-е число октября, въ одиннадцатомъ часу вечера,

было отущено здѣсь легкое землетря-сеніе, съ сильнымъ подземнымъ гу-ломъ, отъ сѣвера къ югу; съ десяти часовъ вечера 16-го числа сталъ дуть сильный, холодный, сѣверный вѣтеръ; низкая температура на воздухѣ, 17-го числа, предъ утромъ была +4° по Р.

Декабря 1854 года. — Въ Симферополѣ дожди и грязь. Картина разнообразится огромными транспортами, которые тянутся на волахъ, верблюдахъ и лошадяхъ съ разными потребностями для арміи. Здѣсь скучно, и въ Севастополѣ, право, лучше. Много есть тамъ забавнаго, и жаль, что нѣтъ талантливаго писателя, который представилъ бы юмористическія сцены, часто случающіяся, и остроумныя выходки нашихъ матросовъ. Моряки наши, отправляя службу на сухомъ пути, перенесли съ собой морскія выраженія и по-своему называютъ вещи, которыя не встрѣча-

лись на кораблях. Такъ напримѣръ, морской офицеръ, садясь на лошадь, чтобъ объѣхать бастіоны, говоритъ матросу-шталмейстеру: «подержа трапъ (стремя), подай мордо-брасы (поводья).» Другой морякъ жалуется, что война вредитъ службѣ: «говоришь матросу: вымой палубу, а онъ просится на бастіоны-съ. — Нѣтъ, любезный, пущу туда тѣхъ, кто заслужитъ это.»

Въ высшей степени поразителенъ на разсвѣтѣ тотъ моментъ, когда бастіоны начинаютъ свой страшный разговоръ, и вы слышите одновременно благовѣстъ къ заутрени и громъ пушекъ. Храмъ Господень, не смотря на ухищренія вражескія, невредимъ; все такъ же силенъ Вѣрою и молитвами. Невольно священный трепетъ пробѣгаетъ по всему организму, и я не знаю, кто изъ бодрствующихъ въ Севастополѣ не молился бы въ это время. При закатѣ солнца каждый день услышите хоръ нашей военной музыки, и увидите гу-

ляющихъ на бульваръ и тѣже отвратительныя бомбы и разноцвѣтныя гранаты. Корабли Черноморскіе величествены, и трудно вообразить себѣ что-либо изящнѣе «Константина», «Парижа», и «Храбраго». Но грустно моряку видѣть рядъ мелкихъ судовъ, стоящихъ въ южной бухтѣ, исполняющихъ должность мостовыхъ флашкоутовъ. Въ докахъ непріятельскія ядра оставили нѣсколько слѣдовъ. Въ докъ введенъ нашъ призъ, «Первасъ-Бахри», которому уже сдѣлана новая обшивка. Библіотека пострадала немного. Одна бомба пробила полъ, и оборвала нѣсколько снастей у модели корабля «Дѣвнадцать Апостоловъ». Клубъ обращенъ въ перевязочный пунктъ, и сюда стекаются носилки съ ранеными, и здѣсь невольно содрогаешься при видѣ страданій. Недалеко оттуда, въ одномъ изъ зданій Екатерининскаго Дворца, устроена временная церковь, куда приносятъ убитыхъ. Когда я заходилъ туда, принесли мор-

ских офицеровъ, Ралета и Болтина, пораженныхъ пулею въ грудь на вылетъ. Славная смерть!

21-го декабря 1854 года. Севастополь въ настоящее время сдѣлался болѣе или менѣе предметомъ разговора каждаго. Онъ обращаетъ на себя вниманіе всей Европы, или, точнѣе сказать, всего Свѣта; всякое извѣстіе о немъ въ газетахъ или частныхъ письмахъ, читается повсюду съ живымъ и неподдѣльнымъ участіемъ, а потому я надѣюсь, что и мое некрасноорѣчивое письмо не лишено будетъ благосклоннаго вниманія вашихъ читателей. Нездоровье мое прекратило на время переписку мою съ вами; теперь, оправившись отъ болѣзни, возобновляю ее. Сегодня, какъ вамъ извѣстно, сто двѣнадцатый день съ тѣхъ поръ, какъ непріятель ступилъ своей нечестивой ногою на нашъ священный Крымъ, и семьдесятъ седьмой

день какъ бомбардируетъ нашъ Севастополь; бомбардированіе хотя теперь и стало гораздо слабѣе, но продолжается день и ночь. Признаюсь вамъ, что у меня крѣпко шумитъ въ головѣ отъ пушечныхъ выстрѣловъ, свиста ядеръ, трескапья бомбъ и гранатъ и шума конгревовыхъ ракетъ; днемъ еще кое-какъ сносно слушать эту трескотню, но ночью она дѣлается точно невыносимою; тутъ хочется спать, а бомбы и гранаты своимъ трескомъ не даютъ закрыть глазъ. Отъ лопающихся бомбъ, у меня перебиты почти всѣ стекла; я попробовалъ-было вставить новыя, но не тутъто было; чрезъ нѣсколько часовъ они снова разлетались въ дребезги, и я поневолѣ принужденъ былъ замѣнить ихъ толстою сахарною бумагой; крыша моего дома тоже осколками бомбъ вся пробита и похожа на рѣшето. Всѣ эти неудобства дѣлаются ощутительнѣе во время холода и дождя, или когда нужно чѣмъ нибудь заняться, читать или

писать. Письмо это пишу вамъ при свѣтѣ, среди бѣлаго дня. Сегодня мнѣ хочется расказать вамъ кое-что о положеніи нашего города. Вопреки ложнымъ и хвастливымъ донесеніямъ Англо-Французскихъ главнокомандующихъ, вопреки громкимъ возгласамъ редакторовъ и кореспондентовъ иностранныхъ газетъ, родной и дорогой сердцу нашему Севастополь не разрушенъ, а стоитъ непоколебимъ, съ помощію Всевышняго Создателя. Въ то время, какъ вездѣ въ западной Европѣ только и разговору что о бомбардированіи Севастополя, о томъ, что онъ разрушенъ, сожженъ, жители его всѣ разбѣжались, а гарнизонъ его весь побитъ,—мы, жители Севастополя, по милости Божіей, живемъ довольно спокойно въ своихъ домахъ, хотя отчасти и поврежденныхъ, и уповаемъ на Господа Бога и на Его чудотворную святую силу, видимо поднесь укрывающую насъ отъ гибельнаго дѣйствія непріятельскихъ смертоносныхъ снаря-

ловъ. Мы уже обстрѣлялись и прислушались къ треску и свисту ядеръ и бомбъ; намъ кажется, будто бы это уже такъ должно быть, и минуты тишины намъ кажутся странными. Въ лавкахъ и магазинахъ всѣ торгуютъ, гостинницы тоже всѣ открыты, однимъ словомъ — все идетъ своимъ чередомъ. По вечерамъ, въ хорошую погоду, на новомъ бульварѣ, что у памятника Казарскаго, играетъ военная музыка; тамъ бываетъ много гуляющихъ, и оттуда открывается взору прекрасный видъ окрестныхъ горъ, гдѣ видны даже непріятельскій лагерь, редуты и траншеи.—Въ понедѣльникъ, 6-го декабря, въ высокоторжественный и священный для Православной Россіи день Тезоименитства Его Величества Государя Императора Николая Павловича, въ здѣшней Михайловской церкви, что близъ вновь строящагося Адмиралтейскаго Свято-Николаевскаго Собора, совершены были соборно Божественная Литургія и

благодарственное Господу Богу молебствіе, въ присутствіи Его Высопреосвященства Митрополита Агаѳангела (по слабости здоровья не принимавшаго участія въ священнодѣйствіи), Его Свѣтлости Главнокомандующаго военными морскими и сухопутными силами, Князя Александра Сергѣевича Меншикова, Его Высокопревосходительства Генералъ-Адъютанта Барона Остенъ-Сакена, Его Превосходительства исправляющаго должность командира Севастопольскаго порта и военнаго губернатора, Вице-Адмирала Станюковича, и всѣхъ Генераловъ, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ флота и арміи, и при многочисленномъ стеченіи жителей всѣхъ сословій. Мы всѣ колѣноприклоненно и единодушно возносили истинно-теплыя молитвы ко Всевышнему Царю Царей, къ Богу Силъ, Сильному во брани, да сохранитъ на многія лѣта въ невредимомъ здравіи Помазанника Своего, великаго и единаго въ подсолнечной Православнаго Го-

сударя Императора нашего Николая Павловича, въ настоящую годину нашего тяжкаго испытанія. По окончаніи молебствія, произнесено было соотвѣтствующее торжеству дня слово Священникомъ Севастопольскаго Адмиралтейскаго Свято-Николаевскаго Собора, отцомъ Петромъ Еланскимъ. Вечеромъ, не смотря на то, что непріятель бросалъ въ городъ ядра, бомбы и гранаты, на новомъ бульварѣ было многолюдное гулянье, гдѣ играла военная роговая музыка; дамы долго прохаживались въ праздничныхъ своихъ нарядахъ. Нѣтъ словъ описать вамъ, съ какимъ самоотверженіемъ и храбростію моряки нашши дерутся и отстаиваютъ близкій ихъ сердцу Севастополь. Во время самаго жаркаго боя, когда имъ предлагали смѣну съ орудій, они и слышать не хотѣли, говоря: «мы начали, мы же и окончимъ или умремъ.» Я самъ бывалъ свидѣтелемъ, на перевязочномъ пунктѣ, когда, послѣ перевязки незначительныхъ

ранъ, причиненныхъ осколками бомбъ, или послѣ вынутія изъ тѣла штуцерной пули, на совѣтъ медиковъ остаться для излѣченія, они отвѣчали: «что мы будемъ напрасно тутъ лежать, когда мы еще въ состояніи управляться съ орудіями; мы рады стараться, и будемъ драться до послѣдней капли крови, а Севастополя непріятелю не выдадимъ: онъ его не увидитъ, какъ ушей своихъ.» Вотъ настоящій патріотизмъ, вотъ духъ Русскаго народа, не постигаемый иностранцами! Не могу удержаться отъ слезъ, видя этихъ храбрыхъ и неустрашимыхъ Христолюбивыхъ воиновъ, переносящихъ самыя страшныя и смертельныя раны,—и что же? вы не услышите ни одного стона, ни одного ропота, не увидите ни одной слезы. Благослови Господи это храброе войско, и подкрѣпи его мужество! Въ дѣлѣ большой вылазки изъ Севастополя, 24-го октября, принимали блистательное участіе дорогіе Царю и Россіи, Государи

Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ, встрѣчая хладнокровно всѣ опасности боя. Присутствіе ихъ посреди огня побуждало всѣхъ и каждаго изъ нашихъ къ исполненію священнаго долга Царю и отечеству. Въ этотъ день Они посѣтили всѣ бастіоны и батареи, не смотря на то, что въ это время непріятель дѣйствовалъ со всѣхъ батарей сильнымъ огнемъ. Потомъ ежедневно посѣщали перевязочные пункты, утѣшали и щедрою царственною рукой награждали раненыхъ. Англо-Французы поняли теперь, кажется, всю трудность предстоящей имъ задачи — овладѣть Севастополемъ, увидѣли, съ какимъ упорствомъ онъ защищается; они оцѣнили стойкость и мѣткость стрѣльбы нашихъ матросовъ, и удивляются ей. Всѣ иностранныя газеты въ одинъ голосъ говорятъ, что «никогда еще осада крѣпости не была предпринимаема съ такими огромными средствами, какъ нынѣ осада Севасто-

поля: противъ этого города дѣйствуютъ разомъ двѣ арміи,—цвѣтъ арміи западной Европы, — съ двойнымъ комплектомъ самыхъ грозныхъ разрушительныхъ средствъ, представляемыхъ новѣйшимъ искусствомъ и военною наукой, и при содѣйствіи никогда невиданныхъ еще на морѣ, въ такой массѣ, громадныхъ флотовъ.» И дѣйствительно, едва ли исторія древнихъ и новыхъ временъ можетъ представить годъ, который бы, во всѣхъ многоразличныхъ отношеніяхъ, могъ сравняться съ отходящимъ нынѣ въ вѣчность. Страшная буря взволновала западные народы, какъ волны океана, и всѣ силы, все оружіе запада обращено на Россію. Въ громкихъ рѣчахъ въ Парижѣ и Лондонѣ обѣщаютъ еще новыя, страшныя силы и средства, чтобъ разгромить и уничтожить нашъ Севастополь и нашъ Черноморскій флотъ, но настоящія силы наши — не въ нашей силѣ, а въ Божіей. Богъ укрѣпитъ насъ и далѣе; а потому, полагаясь на Боже-

ственное Провидѣніе и на энергическую преданность и стойкость нашихъ защитниковъ, будемъ спокойно, смиренно ожидать нападеній, которыми намъ угрожаютъ, и которыя, быть можетъ, возвѣщаютъ слишкомъ шумно, для того, чтобъ очень насъ напугать. Одному Богу вѣдомо, каковъ будетъ конецъ,— будущее въ Его рукѣ. Кто могъ разгадать впередъ окончаніе 1812 года, а не даромъ, быть можетъ, замѣчено, что нынѣшніе наши враги въ тотъ самый день (2-го сентября) ступили нечестивою и святотатственною пятой своей на нашъ благословенный Крымъ, въ какой нѣкогда предшественники ихъ вошли въ первопрестольную Столицу.— У насъ бываютъ частыя ночныя вылазки. Одна изъ нихъ, въ ночи 30-го ноября, увѣнчалась замѣчательнымъ успѣхомъ. Охотники, отправившіеся къ Французской траншеѣ съ бастіона № 4-й, перекололи тамъ много непріятелей, взяли у нихъ три небольшія мор-

тиры и много другаго оружія, и сверхъ того привели нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ, офицеровъ и солдатъ. Но эта вылазка стоила и намъ не дешево: къ общему сожалѣнію, участвовавшій въ ней Лейтенантъ Батьяновъ былъ смертельно раненъ штуцерной пулей въ животъ, и, послѣ девятидневныхъ страданій, умеръ. Этотъ молодой человѣкъ, которому было только двадцать лѣтъ отъ роду, подавалъ собою большія надежды, выказавъ на дѣлѣ неоднократно свою храбрость и неустрашимость, чѣмъ и пріобрѣлъ общее уваженіе, и обратилъ на себя вниманіе своихъ начальниковъ. Миръ его праху! Ежедневно, именно ежедневно, передаются къ намъ по нѣскольку человѣкъ Французовъ, Англичанъ и Турокъ. Турки говорятъ, что Англичане заставляютъ ихъ работать какъ скотовъ, а кормятъ какъ собакъ; Французы и Англичане тоже жалуются на дурное содержаніе, а что̀ будетъ съ ними, когда пойдетъ снѣгъ

и настанутъ морозы? Всѣ плѣнные и добровольно передающіеся къ намъ въ одинъ голосъ говорятъ, что они считаютъ себя счастливыми, что попались въ наши руки. Они всѣ изнурены отъ работъ, холода и голода; чтобы только перейти къ намъ, они рискуютъ на всѣ возможныя опасности. Для примѣра скажу вамъ, что перебѣжчики съ французскихъ батарей и траншей, что у мыса Херсонеса, чтобы не попасться въ своей цѣпи, пускаются вплавь чрезъ Карантинную бухту; нѣкоторые изъ нихъ, не умѣя плавать, тонутъ. Изъ всего этого ясно можно заключить, въ какомъ несчастномъ состояніи должна быть армія трехъ союзныхъ державъ, которую величаютъ цвѣтомъ западной Европы! — Раскажу вамъ еще, какимъ образомъ жители города Балаклавы избавились отъ плѣна. Разказъ этотъ заимствованъ мною изъ словъ бывшаго пятнадцать дней у нихъ въ плѣну, Священника

Балаклавскаго Греческаго пѣхотнаго баталіона, отца Антонія Аргириди, который, вмѣстѣ со всѣми жителями Балаклавы, освобожденъ и находится теперь въ Севастополѣ. По занятіи непріятелемъ города Балаклавы, говорилъ мнѣ Священникъ, 14-го сентября вошли въ бухту нѣсколько военныхъ кораблей и пароходовъ; матросы немедленно съѣхали на берегъ и бросились по домамъ грабить и таскать все, что попало, на корабли; армія же стала рубить деревья и ломать домы, употребляя лѣсъ на варенiе пищи. Двѣ недѣли жители были сильно угнетаемы, лишившись всего своего достоянія. Утромъ 28-го сентября, главнокомандующій союзными войсками, Лордъ Раглань призвалъ къ себѣ упомянутаго Священника отца Антонія, и съ видомъ гордымъ и сердитымъ сказалъ ему, на французскомъ языкѣ: «До слуха моего дошло, что вы что-то замышляете противъ насъ, и потому я долженъ при-

нять военныя мѣры противъ васъ.» Священникъ отвѣчалъ ему, по-французски: Ваше Высокопревосходительство, я не понимаю, что вы этимъ хотите сказать! — «Вы очень хорошо понимаете и должны мнѣ во всемъ сознаться, а не то»... — Объясните мнѣ, повторяю, въ чемъ дѣло, я рѣшительно ничего не понимаю. — «Не понимаете? а кто ведетъ чрезъ Комары Русскія войска, кто хочетъ сжечь здѣсь нашъ флотъ? Вы, Балаклавскіе Греки!» — Помилуйте, Ваше Высокопревосходительство, это такъ неправдоподобно, что противъ этого нѣтъ никакихъ и возраженій: во-первыхъ, Русскіе гораздо лучше насъ знаютъ всю здѣшнюю мѣстность, и слѣдовательно въ вожатыхъ не имѣютъ никакой надобности; а во вторыхъ, какими средствами мы можемъ сжечь вашъ флотъ? — «Про то сами знаете, а я вамъ долженъ сказать, что за подобныя вещи, на основаніи военныхъ законовъ, вы подвергаетесь смертной

казни.» — Наша жизнь въ вашихъ рукахъ, и если Вашему Высокопревосходительству угодно будетъ и безвинно насъ всѣхъ казнить, то мы, какъ беззащитные, не можетъ этому противиться. Если вамъ угодно, я соберу всѣхъ своихъ единовѣрцевъ, и прикажу имъ приготовиться къ смерти,—и я первый, какъ Священникъ, согласенъ принять казнь; но не забудьте, что вы будете отвѣчать предъ Богомъ за невинно пролитую христіанскую кровь. Но сжальтесь, хотя надъ несчастными женщинами и малыми дѣтьми, которыя вотъ уже двѣ недѣли страдаютъ, лишившись всего своего достоянія и оставшись безъ крова и хлѣба. — «Я велю взять ихъ на корабли и отправить.» Подумавъ потомъ нѣсколько минутъ, Генералъ сказалъ: «Нѣтъ! я полагаю, что лучше будетъ для насъ и для васъ, если вы всѣ уйдете отсюда.» — Какъ мы уйдемъ и куда пойдемъ отсюда? — «Вы можете идти, куда вамъ угодно.» —

Помилуйте, Ваше Высокопревосходительство, мы подвергнемъ жизнь свою опасности, мы должны пройти Англійскія, Французскія и Турецкія цѣпи, мы должны скитаться по степямъ и Татарскимъ деревнямъ; дайте намъ какую-нибудь помощь. — «Я не могу для васъ снаряжать особый конвой.» — Мы этого не просимъ, но дайте намъ какой-нибудь видъ. — «Я вамъ дамъ открытый листъ, по которому васъ никто не тронетъ и не задержитъ.» Сказавъ это, Генералъ удалился въ кабинетъ, приказавъ адъютанту написать свидѣтельство. Чрезъ четверть часа Лордъ Раглань вышелъ въ залу, далъ Священнику свернутый листъ бумаги, и сказалъ ему: «Вотъ вамъ это свидѣтельство, по которому вы можете смѣло итти куда вамъ угодно; васъ никто не тронетъ и не остановитъ; сроку вамъ даю полтора часа; соберите всѣхъ и уходите. Но если, по прошествіи означеннаго срока, кто-либо здѣсь окажется,

то пусть не гнѣвается...» Сказавъ эти слова, онъ повернулся и ушелъ. Священникъ немедленно собралъ всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, числомъ до 200 душъ, и отправился съ ними пѣшкомъ. Двое сутокъ скитались они день и ночь по лѣсамъ, въ холодную и сырую погоду, не имѣя во рту ни крошки хлѣба, и безъ теплой одежды; наконецъ, на третьи сутки, они кое-какъ, полуживые отъ холода и голода, дошли до позицій нашихъ войскъ, а оттуда пришли въ Бахчисарай. Вотъ подвигъ представителей Европейской цивилизаціи! — Заключу двумя словами о погодѣ. Январь самая пора снѣга и мороза, а у насъ зимы еще нѣтъ какъ нѣтъ. Мы до сихъ поръ гуляемъ по вечерамъ на бульварѣ, гдѣ играетъ хоръ военной музыки. — Термометръ показываетъ отъ 7-ми до 10-ти градусовъ тепла.

4-го января 1855 года. Новый годъ встрѣтили мы подъ гуломъ непріятельскихъ ядеръ и бомбъ, но это не помѣшало намъ повеселиться по старому: насъ собралось нѣсколько человѣкъ, разумѣется холостыхъ, затопили каминъ, поставили самоваръ и уселись вокругъ стола пить чай. На дворѣ было темно и шелъ небольшой снѣгъ; сѣверный вѣтеръ бушевалъ по улицамъ и завывалъ въ трубѣ на разные тоны; изрѣдка были слышны трескъ и взрывы гранатъ и бомбъ, но на это никто не обращалъ вниманія. Оживленный разговоръ не касался ни политики, ни бомбардированія города, нѣтъ! каждый изъ насъ разсказывалъ эпизоды изъ своей жизни, прерываемые по временамъ громкимъ смѣхомъ... Вдругъ надъ крышей дома, гдѣ мы находились, разорвало бомбу, осколки посыпались по крышѣ. — «Бомба!» воскликнулъ кто-то. — «Пропади она совсѣмъ!» отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ. Намъ

непривыкать къ нимъ: вотъ ужъ сегодня 87-й день, какъ насъ день и ночь бомбардируютъ, а мы, благодаренiе Богу, живы. Окончивъ чай, мы вышли въ залу, гдѣ игралъ хоръ изъ пяти музыкантовъ. Такъ какъ общество наше было лишено присутствiя дамъ, то, для усиленiя удовольствiя, распорядились послать за пѣсенниками, которыхъ и присоединили къ небольшому хору музыкантовъ. У всѣхъ насъ были отобраны часы, чтобъ мы не знали заблаговременно минуты наступленiя Новаго года. Сѣли за столъ, поужинали и только-что встали, какъ вдругъ растворяются двери, и одинъ изъ собесѣдниковъ, сопровождаемый налитыми бокалами на подносѣ, громко говоритъ: «Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, господа!» Каждый изъ насъ взялъ по бокалу, и раздался тостъ: «за здравiе Государя Императора нашего, Николая Павловича, ура!» Громкое ура съ акомпанементомъ му-

зыки было повторено разъ десять, и пѣсенники запѣли: «Съ новымъ годомъ, бѣлый Царь, съ новымъ счастьемъ, Государь.» Потомъ слѣдовали тосты, одинъ за другимъ, за здравіе всего Царскаго Августѣйшаго Дома, за здравіе Главнокомандующаго въ нашемъ краю, Князя Александра Сергѣевича Меншикова, за здравіе Начальниковъ и защитниковъ города Севастополя, за здравіе Христолюбиваго и побѣдоноснаго воинства. Подъ конецъ кто-то изъ насъ произнесъ тостъ: «на побѣду намъ, и на погибель врагамъ, ура!» и не успѣли мы еще окончить свои бокалы какъ слышимъ, открыли сильный батальный огонь изъ пушекъ и штуцеровъ, и кричатъ ура! Мы всѣ опрометью бросились на дворъ: блескъ отъ выстрѣловъ озарялъ все вокругъ, бомбы по всѣмъ направленіямъ летали и разсѣкали воздухъ, какъ матеоры, трескъ и взрывы раздавались повсюду. Мы цѣлый часъ простояли на дворѣ, и

кого ни спрашивали, ни отъ кого не могли добиться, въ чемъ дѣло. «Пойдемъ-те въ комнату, сказалъ одинъ изъ насъ: завтра все узнаемъ: это, вѣрно, вылазка нашихъ охотниковъ.» Мы вошли въ комнату, и продолжали себѣ стрѣлять пробками подъ звуки музыки до утра. Утромъ мы узнали, что это дѣйствительно была вылазка нашихъ охотниковъ, матросовъ, которая увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: привели человѣкъ 20 плѣнныхъ Англо-Французовъ и множество въ траншеяхъ перекололи.

Вотъ какъ мы встрѣтили Новый годъ и проводили старый. Мы не имѣемъ возможности посѣщать театръ и балы, мы лишены этого удовольствія: театръ нашъ, находящійся подъ выстрѣлами, разбитъ непріятельскими ядрами и бомбами, въ зданіи благороднаго собранія помѣщается главный перевязочный пунктъ. До 1-го января, когда еще погода благопріятствовала, мы наслаж-

дались удовольствіемъ, слушать на новомъ бульварѣ военную музыку; теперь, когда пошелъ снѣгъ, катаемся на саняхъ. Съ полуночи сегодня подулъ сильный вѣтеръ съ мятелью; снѣгу навалило въ городѣ на полъаршина, а въ степи болѣе какъ на аршинъ, при 6° мороза по Р; въ степи должно быть гораздо холодиѣе — Какъ вытерпятъ это Англо-Французы, которые жаловались на холодъ и стали перебѣгать, когда еще не было снѣгу и мороза? Ежедневно, въ полномъ смыслѣ этого слова, они перебѣгаютъ къ намъ десятками, тощіе, и всѣ почти страдаютъ диссентеріей. Есть надежда, теперь станутъ передаваться сотнями.

23-го января 1855 года. Вчера, въ 8½ часовъ вечера, послѣдовалъ, по милости Божіей, весьма искусно произведенный подземный взрывъ въ нашей контръ-минѣ, предназначенный для по-

вреждения непріятельскихъ подкоповъ. Нашъ аттакованный бастіонъ окруженъ въ настоящее время 22-мя минными рукавами, не считая отраслей, а потому, когда французская мина приблизилась по направленію на капиталь бастіона, работы въ ближайшихъ рукавахъ были прекращены и, между прочимъ, въ одномъ изъ нихъ заложенъ былъ зарядъ изъ 12-ти пудовъ пороха. Непріятель, слыша работу въ отдаленныхъ рукавахъ, шелъ смѣло впередъ своею миною, не подозрѣвая того, что мы находимся такъ близко. Давъ ему пройти впередъ на сажень отъ заряда, произведенъ былъ этотъ взрывъ, отъ котораго земля надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ лежалъ порохъ, поднялась парообразно аршина на три вверхъ и аршинъ на шесть въ поперечникѣ, и мгновенно опустилась. Вслѣдъ за страшнымъ подземнымъ гуломъ, изъ непріятельской траншеи (вѣроятно изъ колодца) показалось пламя; надъ землею

же не видно было ни дыма, ни пламени. Трудно представить себѣ что либо удачнѣе въ этомъ родѣ. — Поборникъ правыхъ сердцемъ благословилъ наше дѣло. Слава Ему!

— *30-го января*. Послѣ блестящаго предпріятія 22-го ч., Господь благословилъ наши минныя работы еще двумя событіями. 26-го ч., въ пять часовъ вечера, изъ ближайшей французской траншеи показались два француза, сняли шапки и поклонились. Послѣ того, въ $5^1/_2$ час. вечера, они зажгли свой камуфлетъ, положенный въ 12-ти саженяхъ отъ бывшаго нашего заряда. Но взрывъ, образовавъ сверху небольшую воронку, пошелъ назадъ, — и мгновенно изъ ихъ траншейнаго колодца показались дымъ и пламя; слѣдовательно, Французы работали во вредъ своей галлереѣ. Это зрѣлище вызвало громкія «фора» нашихъ минеровъ изо

рва бастіона. Тотчасъ послѣ этого французская воронка занята и коронована была нашими штуцерными и минерами, и на томъ самомъ мѣстѣ, въ продолженіе всего дня 27-го ч. и послѣдовавшей за тѣмъ ночи, очищенъ былъ колодезь, и заложенъ въ немъ зарядъ изъ девяти пудовъ пороха, взорваный 28-го ч., въ шесть часовъ утра. Назначеніе его было достигнуто вполнѣ, потому что вся французская траншея мгновенно объята была пламенемъ и густыми клубами дыма. Этотъ новый ударъ привѣтствованъ былъ повторенными кликами: «ура! пожаръ въ непріятельской траншеѣ!» нашихъ минеровъ. Благословеніе промысла надъ нами очевидно! Честь Тотлебену и Инженеръ-Штабсъ-Капитану Мельникову! Этотъ достойный инженеръ, котораго прозвали «оберъ-кротъ», живетъ уже третій мѣсяцъ подъ землею, а Тотлебенъ — чудо! Нельзя не согласиться послѣ этого, что минная часть едва-ли не дове-

дена у насъ до высшаго совершенства, чѣмъ во всѣхъ прочихъ Европейскихъ государствахъ.

Севастополь нынѣшній и Севастополь прошедшій представляютъ намъ два различные характера. Правда, городская гавань и теперь кипитъ дѣятельностью и теперь движутся пароходы, снуютъ лодки и гички, бороздя синія волны: торговый людъ по прежнему торопится сбыть свой дневной товаръ. Но вы не встрѣтите уже ни милыхъ вамъ дамъ, ни услужливыхъ кавалеровъ, ни веселыхъ вечеровъ, гдѣ морякъ, послѣ полугодоваго скитанія по невѣрной стихіи, ищетъ отдохновенія въ кругу своей семьи, среди роднаго его сердцу Севастополя. За то воинскій видъ и духъ, какое-то вдохновенное геройство и отвага замѣнили эту неприхотливую нѣгу, какою убаюкивалъ себя въ своей тѣсной каютѣ нашъ добрый морякъ.

Дѣятельность внутренней жизни приняла иные размѣры и образы. Пришло время отстаивать родное пепелище, настала минута рѣшительной борьбы, когда сынъ моря, сражающійся съ стихіею и случаемъ, долженъ вмѣстѣ быть и стражемъ завѣтныхъ береговъ родной земли, гдѣ судьба хранила и лелѣяла столько милаго его сердцу.

И морякъ нашъ понялъ это вполнѣ: вы увидите его роющагося въ землѣ, чтобы воздвигнуть оборонительныя стѣны для своихъ батарей; онъ же носитъ землю изъ-подъ носа непріятеля; въ присутствіи его же онъ ставитъ свои громкія пушки и угощаетъ ими твердыхъ союзниковъ, но безъ хвастовства и крика: все это у него такъ просто и естественно, какъ задушевная мысль, какъ свѣтлая жизнь его, вся отданная за Вѣру и Отечество.

Увидѣвъ городъ, я не хотѣлъ вѣрить ни его бомбардированіе, ни его осадѣ. Съ графской пристани онъ весь развер-

тывается передъ вами тѣмъ же величественнымъ амфитеатромъ; направо Николаевскія казармы длиннымъ полукругомъ, а отъ нихъ и дома и улицы, и по набережной и по горѣ, гдѣ почти не видно поврежденій. И если бы не куча бомбъ и ядеръ у самой пристани, да не отдаленный глухой гулъ выстрѣловъ, я почелъ бы все это за обманъ и причаливалъ бы къ Севастополю съ прежнимъ трепетнымъ чувствомъ, съ какою-то знакомою боязнію ожиданія... Но напрасно: взобравшись по темной, кремнистой улицѣ къ завѣтному домику, я нашелъ его опустѣлымъ; привратникъ, старый Наваринскій ветеранъ, ничего не могъ сказать мнѣ опредѣлительнаго, и я остался съ одними воспоминаніями о памятномъ быломъ. На великолѣпной возвышенной мѣстности городская публичная библіотека совершенно уцѣлѣла, на зло непріятельскимъ выстрѣламъ, какъ память о томъ, кто былъ ея строителемъ. Покойный Ми-

хаилъ Петровичъ Лазаревъ, такъ много заботившійся о Черноморскомъ флотѣ, не думалъ о томъ памятникѣ, который онъ заживо себѣ воздвигаетъ; а между тѣмъ все на каждомъ шагу полно напоминаній о немъ. Севастополь — его созданіе, любимое дитя, о которомъ были его послѣднія слова и молитвы.

Сойдя съ горы и направившись къ 4-му бастіону, я только здѣсь увидѣлъ, что слободка Артиллерійская и Корабельная сильно потерпѣли отъ бомбардировки; въ послѣдней изъ нихъ остались, безъ крова и дверей, одни обгорѣлыя зданія, которыя рисовались какими-то фантастическими фигурами, то звѣриными норами, то рыцарями безъ головы, то наконецъ нескончаемыми зубцами, будто бойницы и башни, воздвигнутыя случаемъ и изсѣченныя временемъ на кремнистыхъ окраинахъ горъ. У театра я остановилъ свою лошадь, и едва прошелъ нѣсколько шаговъ впередъ, какъ штуцерная пуля прострѣлила руку

моему вожатому. Пройдя довольно далеко по открытой мѣстности, я вошелъ въ закрытую галлерею, ведущую къ этому бастіону, и былъ пораженъ находчивостью Русскаго солдата. Избушекъ тамъ безконечно много со стеклами и дверями, будто на постоянное жительство. Не смотря на опасность, дѣти беззаботно играютъ тутъ у порога, и весь міръ домашній тутъ же, и пѣтухъ, и собака, и кошка, и все это расхаживаетъ какъ у себя дома. На 4-мъ бастіонѣ, или вѣрнѣе подъ 4-мъ бастіономъ я былъ встрѣченъ его доблестнымъ стражемъ и строителемъ, Инженеръ - Штабсъ-Капитаномъ Мельниковымъ, у котораго долго просидѣлъ въ его подземельной кельѣ. Отсюда-то растилаются нескончаемые рукава минъ, которые столько разъ останавливали покушенія непріятеля.

На Малаховомъ курганѣ огонь былъ такъ силенъ, что я долженъ былъ усокорить шаги, и любовался нашими мо-

лодцами: они носили то Фашину, то камень, не наклоняясь подъ картечью и ядрами, которыя разрывались и лопались вокругъ. Здѣсь просилъ я показать мнѣ мѣсто, гдѣ роковое ядро унесло отъ насъ нашего славнаго Адмирала Корнилова, увѣковѣча его имя въ рядахъ храбрыхъ, но указывать мѣста не нужно было: я уже подходилъ къ нему. Простой крестъ, сложенный изъ камней, отмѣтилъ потомству 5-е октября, день незабвенной потери, а батарея наименовалась «Корниловскою», чтобы однимъ именемъ внушать страхъ врагамъ и напомнить ветерану воину ту трудную годину войны, когда малое число ограждалось силою духа, и когда вожди гибли какъ простые воины, съ однимъ крикомъ «ура!» съ единою мыслію о благѣ отечества. Но новая страница нашей исторіи не кончена; громкая слава впишетъ еще не одно имя въ свои скрижали. Нахимова укажутъ дѣтямъ и правнукамъ, какъ рѣд-

кій примѣръ мужества, и Наваринскій герой подастъ руку Синопскому побѣдителю. Истомины, Тотлебены, долго и отрадно будутъ живы въ Русскомъ сердцѣ. За ними послѣдуетъ новый рядъ именъ и подвиговъ чести, уже свершенныхъ и совершающихся.

К о н е ц ъ.